К ИДЕЕ МНОГООБРАЗИЯ ВИДОВ ПОЗНАНИЯ: СПЕЦИФИКА И СТАТУС ПРАКТИЧЕСКОГО СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ЗНАНИЯ

Н.И. Мартишина

Одним из главных направлений развития современной философии познания представляется исследование познания как внутренне многообразного процесса, включающего принципиально различные способы осуществления познавательной деятельности. В качестве наиболее универсальных из них обычно рассматриваются обыденное, научное, художественное, религиозное и мифологическое познание. Статья посвящена обоснованию необходимости выделения, наряду с перечисленными, также специализированного практического (или предметно-практического) познания как специфического способа производства знания в рамках сложных видов практической деятельности. Специализированный характер отличает его от обыденного познания, а ориентация на эффективность, в противоположность поиску истины, – от научного познания. Описание разновидностей специализированного практического познания позволяет продемонстрировать его распространенность в культуре.

Ключевые слова: типология познания, виды познания, способы познания, формы познания, обыденное познание, практическое познание, специализированное практическое познание, предметно-практическое познание.

TO THE IDEA OF THE VARIETY OF COGNITION TYPES: SPECIFICITY AND STATUS OF PRACTICAL SPECIALIZED KNOWLEDGE

N.I. Martishina

One of the main directions of development in the modern philosophy of cognition lies in the study of cognition as an internally diverse process, including fundamentally different ways of cognitive activity, which interact and complement each other. The most universal of them are ordinary, scientific, artistic, religious and mythological cognition. The article is devoted to the substantiation of the idea to add to this list of knowledge types the specialized practical (or subject-practical) knowledge as a specific way of producing knowledge in the framework of complicated practical activity. The specialized nature distinguishes this type of knowledge from ordinary one, and the orientation toward efficiency, as opposed to the search for truth, gives a difference from scientific knowledge. The description of varieties of specialized practical knowledge allows to demonstrate its prevalence in culture.

Key words: variety of cognition, types of cognition, methods of cognition, forms of cognition, ordinary knowledge, practical knowledge, specialized knowledge, subject-practical knowledge.

Разрабатывая свой проект философии познания XXI в., во многом определившей приоритеты и контуры развития этой тематической области сегодняшней отечественной философии, Л.А. Микешина указала в числе других важнейших направлений движения от абстрактной теории познания к содержательному и реалистическому его исследованию на необходимость внимания к богатству познавательного опыта и многообразию когнитивных практик как на уровне философской, гуманитарно-научной и художественной репрезентации познания, так и на уровне самого совокупного познавательного процесса. Одним из главных принципов философии познания, отвечающей вызовам эпохи, должна быть «переоценка фундаментализма, признание многомерного образа реальности, а также неустранимой множественности отношений и «точек зрения», отношения дополненности и взаимодействия между ними» [9: с. 53].

Развитие этой идеи в отечественной философии изначально было связано с описанием вненаучных видов познания (религиозного, художественного и

др.) как полноправных составляющих совокупного познавательного процесса [3] и в дальнейшем охватывало растущее количество концептуальных форм различного уровня, также трактуемых (в одном из своих аспектов) как возможные способы производства знания: таковым представлялись «не только истинное научное знание, но и заблуждения, фантазии, верования, убеждения, предрассудки и обыденные представления, эмоции и нравственные решения... Ибо эти феномены формируют определенную картину мира, в которой живет человек, свидетельствуют об уровне освоения им реальности, о характере практикуемой деятельности и общения. Они, тем самым, позволяют человеку достигать функциональной регулярности в окружающем мире, являются формой его встроенности в мир, а потому и по своему коррелируют с этим миром, говорят о нем – с той или иной степенью соответствия» [4: с. 11].

На мой взгляд, это одно из магистральных направлений развития современной теории познания, если мы действительно хотим построить реали-

Мартишина Наталья Ивановна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Сибирского государственного университета путей сообщения (г. Новосибирск).

Martishina Natalya Ivanovna – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Culturology at Siberian Transport University (Novosibirsk).

E-mail: nmartishina@yandex.ru

© Мартишина Н.И., 2020

стическую картину последнего: познание, как оно происходит в современном обществе и в деятельности современного человека, лишь в самом абстрактном виде может быть сведено к иерархическому разграничению научного и обыденного уровней и в действительности представляет собой конгломерат активно взаимодействующих между собой способов понимания мира, каждый из которых имеет не только свою тематическую направленность, но и собственные постулаты, специфическую логику познавательного освоения мира. Принятие этой позиции в качестве отправной точки исследования сделало описание познания в современной философии существенно более содержательным.

Концепция многообразия видов познания инициирует ряд философских вопросов, к числу которых принадлежит, в частности, проблема классификации вариаций познания. Следует ли говорить о видах, типах, уровнях, формах или каких-то иных классификационных единицах познания [2 : с. 36]? Верно ли, что в этой типологии существуют более универсальные и подчиненные им иерархически способы познания и как они могут быть соотносены? Представляется, что эти вопросы не требуют особого формально-терминологического усложнения и вполне могут быть решены конвенционально, исходя из общей логики таксономических построений, в которой традиционно основной структурной единицей систематики является вид. Этой традиции главным образом следует сложившаяся в отечественной философии языковая практика, в соответствии с которой *видами* познания именуют в первую очередь всеобщие логико-гносеологические системы производства концептуальных представлений о мире в целом и различных аспектах его бытия – научное, мифологическое, художественное, религиозное, философское познание. Например, в формулировке В.С. Степина: «Наука – особый вид познавательной деятельности... Как вид познания наука взаимодействует с другими его видами: обыденным, художественным, религиозно-мифологическим, философским» [13: с. 561]. В составе видов познания могут быть выделены подсистемы, обладающие гносеологической спецификой и использующие собственные познавательные средства (естественно-научное и социально-гуманитарное научное познание, сциентистский и несциентистский тип философствования, т.е. в данном случае распространено обозначение их как *типов*). От видов познания, универсальных по отношению к объекту познания (для перечисленных видов познания это могут быть самые различные природные и социальные явления и процессы) отличаются способы осмысления областей реальности, складывающиеся в рамках определенных форм сознания (нравственное познание, социальное познание). Их специфику определяет изначальная предметная локализация (так, объектом нравственного

познания, имеющего функции нормирования и оценки, может быть только деятельность акторов, обладающих субъектностью), и оправданным представляется определение их как *форм* познания (и форм знания как результата познавательной деятельности). Наконец, можно указать также на наличие гибридных систем познания, возникающих на стыках различных видов познания и обладающих характеристиками различных видов. Так, на стыке науки с обыденным познанием развивается протонаучное знание, в поле взаимодействия науки и религии – оккультные науки и т.д. (подробнее об этом в [8]); поскольку и в этом случае речь идет о достаточно локальных когнитивных феноменах, понятие «форма» также вполне уместно. (Подчеркнем еще раз, что в литературе при описании многообразия познания существуют и другие варианты использования приведенных терминов, но пока споры по этому поводу представляются несколько схоластическими; содержательная сторона темы гораздо интереснее.)

Взгляд на познание как пространство взаимодействия различных видов, типов и форм, каждая из которых выполняет свои гносеологические функции, будучи в этом выполнении не до конца заменимой, оказывается в современных условиях значительно более методологически эффективным, чем унифицированная или иерархическая концепция познания. Во-первых, только с этих позиций можно адекватно понять закономерность и даже необходимость присутствия в культуре таких феноменов, как современный миф – осмысление новых реалий, вплоть до феноменов информационного общества, посредством присущих мифомышлению логико-гносеологических процедур. Во-вторых, такой подход позволяет отслеживать тенденции в изменениях общественного сознания, потому что определенная часть этих изменений заключается в перераспределениях «веса» различных видов познания в совокупном познавательном процессе. В частности, речь идет о сохранении и даже некотором увеличении значимости вненаучного знания в современном массовом сознании. Б. Винн в свое время определил это явление как «вынос науки за скобки» [18]: наука, объективно играя возрастающую роль в жизни современного общества, перестает восприниматься в качестве постоянно присутствующего в ней фактора – с одной стороны, достижения научно-технического прогресса становятся слишком привычными и легкими в использовании, с другой стороны, происходит разрыв массового сознания с наукой переднего края. В результате, вопреки ожиданиям, научно-технический прогресс не предопределяет повышение уровня научности познавательного освоения мира человечеством, а напротив, сопровождается смещением баланса между наукой и вненаучными видами познания в пользу последних. И, в-третьих, такой подход

позволяет быть внимательным к таким эмпирически наблюдаемым изменениям в познавательном комплексе, как возможность дальнейшей дифференциации познания вплоть до обособления новых его видов. На определившуюся в настоящее время возможность концептуализации одной из таких тенденций мне и хотелось бы обратить внимание в данной работе. На мой взгляд, представляется возможным говорить о формировании в современной культуре, в дополнение к традиционно выделяемым видам познания, нового самостоятельного вида – специализированного практического или предметно-практического познания и соответствующего вида знания как его результата.

Хотя характеристика познания как практического стандартна для отечественной философской литературы, в качестве особого вида познания практическое познание до настоящего времени сравнительно редко становилось предметом философской рефлексии. Его выделение обычно осуществляется в связи с иными основаниями – либо в контексте характеристики уровней познания (теоретическое «знание-что» и практическое «знание-как»), либо в описании всеобщих форм взаимодействия человека с миром (практическое, духовное-практическое, духовное освоение мира человеком). В наиболее общем определении любое познание в конечном счете связано с практикой. В несколько более узкой трактовке практическим называют познание, которое в пределах практики и остается, будучи направленным на непознавательные цели. Например, в формулировке М.В. Трапезникова: «Практическое познание ориентировано на то, чтобы способствовать получению некоторого жизненного блага, способного удовлетворить человеческую потребность», тогда как «Наука и проводимый по ее правилам научный эксперимент соответствуют установке "Знание ради знания"» [14: с. 22]. Еще ближе к предлагаемой идее лежат концептуальные разработки, в которых практическое познание соотносится с обыденным познанием и трактуется как пересекающееся, но не совпадающее с последним. Так, Я.Б. Пукшанский разграничивает обыденное практическое и жизненно-практическое знание [12: с. 22]; М.Т. Андриюшенко пишет о существовании «не одного, а, по крайней мере, двух типов донаучного познания. Первый – обыденный – связан ... с бытом. Второй – выходящий за пределы быта – связан с собственно практикой» [1: с. 43]; аналогичную идею высказывает В.Ф. Юлов: «Форм практического познания весьма много – здравый смысл, или обыденное познание, профессиональный опыт: опыт рабочего-станочника, опыт повара, опыт врача, военное искусство и многое другое» [16: с. 5]. Представляется целесообразным выделить и концептуализировать в качестве специфического вида познания именно последнюю форму практического познания, до сих пор растворявшегося где-то в

непосредственном приближении к обыденному познанию, но на самом деле отличного от него.

Впервые в отечественной философской литературе посвятивший предметное исследование практическому познанию в специальном значении термина С.П. Щавелев предложил следующее его определение: «Так предлагается именовать процессы отражения и конструирования действительности, выработки и принятия решений, оценки эффективности их исполнений внутри продолжающейся практики; когнитивные моменты материально-преобразующей деятельности людей» [15: с. 43]. Он также разграничивает это познание с обыденным, указывая на его связь не с бытом, а именно с практикой как целенаправленной деятельностью и специализированным опытом, прежде всего трудовым, профессиональным или, во всяком случае, приобретаемым при углубленном погружении в определенное занятие (а не в процессе повседневной жизни, как в случае с обыденным познанием). Напротив, обыденное знание в его трактовке далеко не полностью является практическим, поскольку на обыденном уровне могут осмысливаться вещи, не имеющие непосредственного утилитарного значения для человека [15: с. 64]. Правда, при характеристике типологии практического познания автор отчасти возвращается к его объединению с обыденным, указывая в качестве его проявлений, например, на этническое познание (неизбежно связанное с культурной повседневностью), «народную мудрость» (причем речь идет об универсальном общечеловеческом опыте), повседневный опыт индивида, а также включая в состав практического познания мифологическое и паранаучное познание и др. На мой взгляд, «ядром» описываемого автором практического познания является «опыт квалифицированного труда, профессиональных занятий работников разного профиля» [15: с. 157], которым владеет мастер того или иного дела (не обязательно профессионал, но не дилетант в данной области).

Представляется, что было бы уместно опять-таки конвенционально решить проблему терминологического обозначения и в том случае, когда мы говорим не о практическом познании вообще, а об этой последней категории – познании, происходящем в рамках различных специализированных практик – использовать термин «специализированное практическое познание» (поскольку это основная характеристика, отличающая его от обыденного знания) или «предметно-практическое познание» (поскольку оно всегда связано с вполне определенным предметом). Предложим в дополнение к приведенному выше определению практического познания определение практического *знания*: это устойчивые комплексы сведений, концентрирующихся вокруг определенных видов и сфер практической деятельности и обеспечивающих эту деятельность. Именно такое

познание исторически присутствует в культуре как необходимая составляющая совокупного познавательного процесса, и именно такое знание быстро растет в настоящее время в связи с углубляющейся специализацией и усложнением практики.

Можно выделить несколько основных разновидностей знания данного вида. В историческом определении это огромный пласт технологического, рецептурного опыта, который веками служил основой различных, подчас очень сложных производственных процессов, вплоть до эпохи модерна мало зависевших от науки. Это именно те знания, которые позволяли строить пирамиды, храмы, дороги и водопроводы, мосты и корабли, изготавливать посуду, краски, мыло, добывать руду и выплавлять металлы, охотиться и разводить скот, организовывать сельскохозяйственные работы по годовому циклу, использовать целебные травы и т.д. – «всегда, задолго до первых ростков подлинного научного знания и потом независимо от него» [15: с. 69]. Это знание и до сих пор сохраняется в ряде областей деятельности, дополняя научное и иногда обнаруживая неожиданную эффективность (методики народной медицины). Своеобразным направлением развития этой разновидности практического знания в наши дни является его расширение за счет включения специализированных знаний о некоторых видах деятельности, которые раньше однозначно относились к сфере быта, а в обществе потребления превратились в возможные услуги и соответственно начали профессионализироваться: уборку теперь можно заказать клининговой компании, организацию семейного праздника – ивент-агентству, подбор гардероба – персональному стилисту, извинения перед обиженным партнером – психологической службе, а планирование ближайших лет жизни – дизайнеру карьеры. С превращением этих и других аналогичных действий в профессиональные практики в них отчасти искусственно создаются, отчасти действительно накапливаются эмпирические обобщения, приемы решения типичных проблем и секреты профессионального мастерства. Иногда такие разработки оказываются суперуспешными (один из недавних примеров – метод «гуру уборки» Мари Кондо [6]), причем это не обязательно чисто маркетинговая успешность. В современных условиях подобные тематические комплексы практических знаний обычно систематизированы, включают такие формы организации знания, как законы, типологии, классификации, и демонстрируют определенный уровень аргументированности изложения.

К описанным формам практического знания примыкают, с одной стороны, знания того же рода, но существующие не в отношениях внешней дополтельности с наукой, а внутри самого научного комплекса – практические приемы деятельности исследователя, инженера, химика, врача, педагога и т.д., приобретаемые вместе с теоретической профессио-

нальной подготовкой и составляющие неотъемлемую часть последней. М. Полани, одним из первых посчитавший принципиальным тот факт, что «в самом сердце науки существуют области ... знания, которое через формулировки передать нельзя» [11: с. 89], обозначил его как «личностное знание», подчеркивая, что набор таких знаний в конечном счете является индивидуальным. «Личностное знание», по М. Полани, включает в себя различные компоненты, в том числе общекультурную подготовку, мировоззренческие установки и другие теоретические источники. Но определенную часть его составляет то самое практическое мастерство, которое приобретается человеком в результате включения в деятельность, подражания ее образцам, выводов из собственных и наблюдаемых попыток выполнить действие наилучшим образом. Таково в примере М. Полани умение читать рентгенограмму для врача: оно основывается на владении теоретическим материалом, но превращается в действительное знание, когда будет апробировано в практике на ряде конкретных случаев. Аналогично выведенное из массы отработанных ситуаций знание о возможных реакциях аудитории, прогнозирование ее реакций на то или другое обращение, понимание изменений ее работоспособности и настроения в ходе занятия, имеющиеся в арсенале способы быстро изменить атмосферу и т.д. – те необходимые практические дополнения, которыми располагает опытный преподаватель, кроме теоретической подготовки в своей предметной области. Самые интеллектуально-емкие профессии включают в себя слой таких прикладных, конкретных знаний, которые, если даже они преподаются, входят в наш арсенал лишь через опыт практического применения и набор которых неизбежно индивидуален. Примечательно, что современные практические знания этого типа до сих пор передаются теми же способами, что и описанное выше «технэ» доиндустриального общества – через личное наставничество и непосредственные профессиональные коммуникации.

С другой стороны, к основным формам практического знания примыкают комплексы получаемых в деятельности знаний, накапливающихся и транслируемых в непроизводственных практиках – спорте, игре, художественном творчестве. Это также массовая форма практического знания, поскольку какими-то его объемами располагают не только профессиональные спортсмены или деятели искусства, но и все, кто в течение некоторого времени занимается этими видами деятельности на любительском уровне. Это знание о тонкостях применения правил и тактике игры, о собственном теле и оптимальном использовании его ресурсов у спортсмена, о позициях в танцах, обозначении рядов и петель на выкройках для вязания и т.д. Для приобретения таких знаний необходимо целенаправленное углубление в предмет, и это обстоя-

тельство выводит их тоже за пределы обыденного знания: «...обыденное знание в самом общем плане противостоит не только научному, но специализированному знанию вообще» [12: с. 91], а они, несомненно, являются специализированными. Особенностью этой формы практического познания является формирующаяся «снизу» нормативность: в них более или менее стихийно, но достаточно четко определяется круг знаний, которыми в обязательном порядке должен владеть тот, кто разбирается в предмете, в отличие от новичка-дилетанта.

И, наконец, обратим внимание на еще одну форму практического знания, получившую особое развитие в настоящее время. В связи с обособлением и развитием ряда новых, сложных, интеллектуально нагруженных видов социальной деятельности в общественном сознании складываются предметные комплексы идей, отражающих опыт таких социальных практик и лежащих в основе их осуществления. Примером такой практики может служить PR – «связи с общественностью» как специализированная форма деятельности, направленная на создание позитивного имиджа представляемой структуры и оптимизацию ее взаимодействия с социальным миром. Работа в сфере PR в настоящее время предполагает подготовку на уровне высшего образования; эта область деятельности имеет свою историю, обширный и постоянно обновляющийся арсенал методов, теоретические разработки по экономическим, социальным, психологическим и другим ее основаниям, развитую терминологию, в ней есть признанные авторитеты и т.д. Существует тенденция, прежде всего среди специалистов в данной и подобных ей сферах, к квалификации такого знания как научного – на том основании, что круг наработанных профессиональных достижений в этом случае имеет выраженную концептуальную составляющую и для освоения требует усилий, так же, как и классические научные дисциплины. Тем не менее такая оценка вряд ли может быть поддержана в серьезном эпистемологическом анализе. Дело даже не в том, что теоретические разработки в таких областях знания обычно приходят из других – фундаментальных научных дисциплин, а описательность и рецептурность явно преобладают над обоснованностью, и не в том, что они «не содержат системы идеализированных объектов, процедур научного объяснения и предсказания» [5: с. 690] (на этом основании «Энциклопедия эпистемологии и философии науки» выводит их за пределы научного знания). Прежде всего они имеют иные по сравнению с наукой задачи, цель существования. Мы солидарны с точкой зрения, согласно которой квалифицирующим признаком научного познания является направленность на поиск истины, всегда приоритетный по сравнению с тем, как потом полученное знание будет применяться. В самой своей сути

наука – «форма общественного сознания, ориентированная не на извлечение пользы, а на достижение истины» [7: с. 67]. И соответственно по самой сути своей PR (HR, менеджмент, таможенное дело, промышленное и гражданское строительство, юриспруденция...) ориентированы не на незаинтересованный поиск истины, а на достижение практического результата. Вряд ли на этом основании их можно отнести к паранауке, как это делает И.Т. Касавин: это именно специализированное практическое знание как «систематизированный и дидактически оформленный опыт» [5: с. 690], иной по сравнению с наукой вид познания. А.В. Юревич описывает предельную в этом плане ситуацию, когда наука и специализированное практическое познание развиваются параллельно в одной и той же предметной области (психологии) и строятся при этом очевидно различными способами: академическая психология – как классическая научная дисциплина, практическая психология – как «оформленный опыт». В них используются различные отправные теоретические позиции и различная логика. Например, концепции прикладной психологии «в большинстве случаев не верифицированы – по крайней мере, в тех формах, которые признаны нормативными в академической психологии»; «знание практической психологии основано на конвенциях, а еще чаще включает в себя конвенции, которые в академической психологии выглядели бы очень странными или, по крайней мере, потребовали бы эмпирических подтверждений» [17: с. 9]. Если бы обе традиции принадлежали к сфере научного познания, конкуренция между ними была бы существенно острее; но отнесение одной из них к сфере специализированного практического познания позволяет, кроме прочего, понять, почему многолетняя критика некоторых концепций (прежде всего психоанализа) с точки зрения критериев научности практически не влияет на уровень его социальной успешности: в предметно-практическом знании свои каноны и свои механизмы принятия идей.

Представляется, что впервые в отечественной философской литературе особенность этой формы специализированного практического знания в качестве самостоятельного вида познания была предметно определена в работе [10] при исследовании гносеологического статуса компьютерной инженерии. Анализируя термин «computer science», авторы отметили, что термин «science» в настоящее время часто используется расширительно для обозначения видов практических занятий, основанных на целенаправленном освоении и сознательном применении некоторых принципов, и пришли к выводу о том, что «computer science» на самом деле – не наука в строгом смысле слова как дисциплина, применяющая научный подход, а «систематизированная совокупность знаний с теоретическими основания-

ми» [10: с. 181], для которой более точным будет обозначение «компьютерное дело». На мой взгляд, данный вывод носит принципиальный характер, поскольку задает базовый способ квалификации специализированного практического познания в различных областях: ни системность, ни теоретичность, ни необходимость целенаправленного познавательного освоения в современных условиях не означают научности знания, оценка должна базироваться на способе его формирования и функционирования.

Обзор представленности специализированного практического знания в культуре обнаруживает его историческую значимость и достаточную определенность его логико-гносеологических характеристик, объединяющих различные модификации, что, на мой взгляд, позволяет сделать вывод о том, что специализированное практическое (предметно-практическое) познание в исторической традиции и в современной культуре представляет собой развитый и самостоятельный вид познания, который может быть рассмотрен в общем ряду с такими универсальными видами познания, как обыденное, научное, художественное, религиозное, мифологическое и т.д.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что вопрос о возможности выделения специализированного практического познания как самостоятельного вида познания не является чисто теоретическим. Специализированное практическое познание в современном обществе, как уже говорилось выше, быстро растет количественно и качественно и играет все более важную роль в обеспечении социальной практики. Отсутствие его артикулированной дифференциации с наукой в сочетании со стереотипным убеждением массового сознания в том, что по-настоящему достойное знание может быть только научным, приводит к неосознанному или вынужденному использованию профессионалами в сферах специализированного практического познания научных стандартов и процедур представления и трансляции знания. В ряде случаев, например, когда речь идет о квалификационных работах, это ведет к проблемам, поскольку значимый с практической точки зрения результат далеко не обязательно обладает научной ценностью и новизной. Анализ ситуации с позиций современной теории познания указывает на необходимость альтернативных, адекватных специфике вида познания, способов подтверждения профессионализма (как это принято, в частности, в художественной сфере) в рамках специализированного практического познания. В конечном счете концепция многообразия видов познания означает, в одном из своих аспектов, что характеристика некоторого вида познания как вненаучного не означает его признания ошибочным или невостребованным, не принижает его значения и не содержит в себе отрицания существования в этой области значительного объема

накопленных знаний и необходимости профессионального обучения; напротив, она подчеркивает значимость и востребованность каждого из видов в совокупном познавательном процессе. Таким образом, философское осмысление данной темы в идеале открывает возможность для перестройки концептуального подхода к статусу знаний в современном обществе и принятия квалифицированных управленческих решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрюшенко, М.Т. Очерки по теории познания. Ч. 1 / М.Т. Андрюшенко. — Владимир : Изд-во ВГУ, 2001. — 172 с.
2. Афанасьев, Т.Ю. Познание и его классификации по типам и видам в современной гносеологии: к построению полной типологии. Ч. 1 / Т.Ю. Афанасьев // Философские науки. — 2012. — № 1. — С. 35–40.
3. Заблуждающийся разум? Многообразие форм научного знания / отв. ред. и сост. И.Т. Касавин. — Москва : Изд-во полит. лит., 1990. — 464 с.
4. Касавин, И.Т. Нормы в познании и познание норм / И.Т. Касавин // Эпистемология и философия науки. — 2017. — Т. 54, № 4. — С. 8–19.
5. Касавин, И.Т. Паранаука / И.Т. Касавин // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. — Москва : Канон + «РООИ «Реабилитация», 2009. — С. 689–691.
6. Кондо, М. Магическая уборка: японское искусство наведения порядка дома и в жизни / М. Кондо. — Москва : ОДРИ, 2016. — 320 с.
7. Лившиц, Р.Л. Пределы субъективности ученого / Р.Л. Лившиц // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. — 2019. — Т. XVI, Вып. 3. — С. 63–72.
8. Мартишина, Н.И. Феномен и типология околонаучного знания / Н.И. Мартишина // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. — 2013. — Вып. 29. — С. 19–28.
9. Микешина, Л.А. Философия познания: полемические главы / Л. А. Микешина. — Москва : Прогресс-Традиция, 2002. — 624 с.
10. Микешина, Л.А. Новые образы познания и реальности / Л.А. Микешина, М.Ю. Опенков. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 1997. — 240 с.
11. Полани, М. Личностное знание / М. Полани. — Москва : Прогресс, 1985. — 344 с.
12. Пукшанский, Я.Б. Обыденное знание: Опыт философского осмысления / Я.Б. Пукшанский. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1987. — 152 с.
13. Степин, В.С. Наука / В.С. Степин // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. — Москва : Канон + «РООИ «Реабилитация», 2009. — С. 560–566.
14. Трапезников, М.В. Прикладные разработки как форма современной взаимосвязи науки и практики / М.В. Трапезников // Вестник Вятского государственного университета. — 2012. — № 4-1. — С. 22–24.
15. Щавелев, С.П. Практическое познание / С.П. Щавелев. — Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1994. — 232 с.
16. Юлов, В.Ф. Перспективы развития интегративной теории познания / В.Ф. Юлов // Вестник Вятского государственного университета. — 2016. — № 2. — С. 5–6.
17. Юревич, А.В. Три источника и три составные части психологического знания / А.В. Юревич // Психология: Журнал высшей школы экономики. — 2005. — Т. 2, № 3. — С. 3–18.
18. Wynn, B. Knowledge in context / B. Wynn // Science, technology and human values. — Cambridge (Mass.), 1991. — Vol. 16, № 1. — P. 111–121.